

Давно это было, лет семнадцать назад. Вечерний разговор с бывалым охотником, добывшим в тайге не одного медведя, запал мне в душу, и все эти годы он постоянно всплывал в моей памяти. Да и охотника уже нет в живых на этой земле. В память о нём я решил написать этот рассказ. Рассказ о борьбе человека за жизнь.

В тот осенний день мы поздно въехали в забытую Богом деревеньку Михайловку, в далёкой таёжной глуши. На пустынной деревенской улице уже не видно было никого. Только собаки, лениво поглядывая на луну, побрëхивали на окраине села. Тишина. Свернув с дороги, подворачиваем к дому, над палисадником которого нависли ветви черёмухи, обвешанные кистями спелой ягоды. Ворота закрыты, но через занавеску на окне видно, что внутри дома светит керосиновая лампа. Электричество по тем временам в маленьких деревнях отключали рано, в одиннадцать часов вечера, — сэкономили. Постучали в ворота. Ждём. Проходит немного времени. И вот в темноте послышалось знакомое покашливание и неторопливые шаги. Заскрипел деревянный засов, и одна часть ворот приоткрылась. Калитка, видимо, не открывалась, так как висела несколько боком и еле держалась. Вышел небольшого роста мужичок; увидев нас, обрадовался. Это был Анатолий. Он ждал нас, но не знал, когда мы приедем. Позвал домой. Пройдя по тропинке,

заросшей травой, подошли к крыльцу. Я не был никогда у него дома и очень удивился, что крыльцо всё прогнило, осело и пройти можно было по двум-трём половицам, которые держались на честном слове.

Пройдя в темноте через сенки в дом, попали в жилище холостяка «времен революции»: изба была не белена, наверное, лет пятнадцать, печь вся обшарпана, и кирпичи держались на честном слове, а тюль на окнах не видела стирки со времён приобретения её в магазине. Но хозяин не унывал, показывая, куда нам присесть. Он охотно рассказывал, что собирается делать ремонт, но руки не доходят, и вот сейчас он с нами съездит в тайгу пошишковать и точно займётся ремонтом. Это обещание он, как я узнал позже, уже давал лет десять. Вместе с тем мы расположились на ночлег, так наутро у нас был намечен переезд дальше в тайгу, вёрст за сорок.

Наскоро перекусив, улеглись, где кому удалось найти место, и раненко утром — чтобы никто не перешёл дорогу, по деревенским приметам, и не сглазил фарт — выехали в тайгу. О дороге и говорить нечего: её всю разбили лесовозы. Но потихоньку, объезжая опасные промоины и ямы, добрались до речки Кемчуг. Оставив машину на берегу в кустах... кто её тронет, в тайге закон один... перешли бродом реку и тропинкой через версту подошли к охотничьей избушке возле таёжного ручья. Если не знаешь про неё, то в глухой тайге рядом пройдёшь и её не увидишь. В избушке чисто, печь, а рядом вязанка сухих дров, керосиновая лампа со стеклом, полная керосина, а на полочке спички, банки с консервами и крупа-перловка. В общем, на первый случай провиант есть. А уж остальное — фарт охотника, он должен добыть себе на пропитание птицу или зверя. Зашли в избушку, расположились. Пообедали, взяли мешки и пошли в разведку — посмотреть шишку в кедровом бору. Он здесь же, рядом. Белки, кукши, кедровки, шумя и горлая, носились вокруг нас, собирая первую паданку. Шишек было много. Мы быстро натаскали мешками целую гору шишек к избушке, на ночь, и готовились к её переработке.

Вечером, сытно поужинав охотничьим супом из уток (подстрелили на реке пару штук, жирные, хорошие оказались) да хариусами, запечёнными на масле на сковороде, и запив настоящим чаем из листьев смородины, устало отвалились на нары.

Анатолий, закурив самокрутку, долго молчал, кряхтел, покашливал, а потом поднял голову и сказал: «Есть разговор, да не знаю, будете ли вы слушать». Переглянувшись, мы хором ответили: «Валяй, рассказывай». Работать с шишкой пока нам не хотелось...

Анатолий, крепко затянувшись самокруткой, неторопливо и с каким-то надрывом начал свой рассказ...

В конце мая, а точнее, в начале июня, когда почки на берёзах ещё не распустились, да и по ночам ещё стояли небольшие заморозки, решили они со своим корешем с соседней улицы сходить в гости в соседнее село — Петропавловку, это недалеко, рядом, вёрст пять, не более, но это по дороге, а если через елань и небольшую горушку, то совсем рядом — версты две. В общем, пошли. Долго ли шли, мало ли шли — не про то разговор. Машины не ходили, да их и не было в деревне. А лесовозы уже лес не возили, так как вырубил весь — понаделали непроезжие колеи на дороге и уехали совсем. В общем, в разговорах, а то и молча, добрались до соседней деревушки, а там жили-то семей пять, не более, так как все разъехались, а молодёжи вообще нет — все в городе. Поэтому каждому новому человеку в деревне рады. Встретили как родных, стол накрыли, потчуют, самогоном угощают, сало толщиной с ладонь нарезают на закуску, подают. Огурцов солёных достали, на столе стоят в тарелке, толщиной по кулаку, не меньше, — хорошие огурцы были в текущем году, урожайный год был. Ну и, конечно же, на столе чашки с черемшой солёной да груздями в сметане, да ещё капуста — в общем, закуски море.

Гуляют мужики, потом немного поспали и снова погуляли. Но пора и честь знать. Решили идти домой, пора так пора. Было уже часов одиннадцать вечера, вышли во

двор — хозяева провожают, целуют, вновь в гости приглашают, вынесли на посошок первачка, — выпили, крякнули и побрели не спеша домой. Но передумали идти дальней дорогой, решили идти короткой тропой, то есть тайгою через елань. Тропинка туда начиналась от крайнего дома и ныряла сразу прямо в кусты рябин, пихтача и берёз, а затем раздваивалась: одна тропинка шла через вершину хребта и поднималась резко вначале через увал, а вторая, недалеко, шла возле ручья, болотцем, то есть низиною, и на конце елани поднималась на хребет, а за ней спуск, а там уже родные хаты.

По пути заспорили, так как запеваемая ими песня сразу не пошла, не могли вспомнить, то ли деревья гнулись и камыш шумел, то ли он раньше шумел, а потом деревья гнулись. Ну, в общем, рассорились, а так как тропинка раздваивалась, то один, бурча, пошёл верхней тропинкой, на плече у него осталось ружьё-одностволка, шестнадцатый калибр, и один патрон с картечью, а второй, Анатолий, пошёл низом. Идя и бормоча себе под нос, отводя ветки от своего лица, он напевал что-то своё, душевное. На душе благодать. Стемнело уже крепко. Да ещё и тучки подошли, прикрыли луну. Ничего не видно. Метров триста уже отошёл от деревни, впереди поляны темнел небольшой околок пихтача, там тропинка поворачивала влево, обегала небольшое болотце с кочками и уходила постепенно на перевал небольшой горы.

Впереди кто-то ворошился, как вроде бы урчал, фыркал, ну вроде как конь. Анатолий подумал, что это его товарищ обогнал по другой тропинке и, успокоившись, ждёт его, чтобы вместе идти дальше. Окликнул его и продолжал по тропинке идти. В этот миг в нос ударил крепкий запах кислятины, псины и крови. Подняв голову, не поверил своим глазам, когда увидел перед собой в темноте силуэт громадного медведя. Тот сидел верхом на корове, рвал её передними лапами и фыркал. Ветерок, хоть и маленький, дул в сторону Анатолия, и медведь его не учуял. В этот момент, словно почуяв, медведь резко оглянулся, взревел.

Подскочил, мгновенно перепрыгнув через корову, поднялся на задние лапы и, подняв передние вверх с когтями, страшно и глухо заревел. Высота этой громадины была более двух метров. Хоть и было темно, но видно было разъярённую пасть хищника, громадные лапы.

Отделяло Анатолия от медведя не более четырёх метров. Мелькнула мысль: где же напарник, он же недалеко, почему не стреляет? — и тут же улетучилась. Рыкая и оглушая рёвом всю округу, медведь пошёл как-то боком вокруг коровы к Анатолию. Анатолий от него отступал по кругу, лицом к нему, спиной в темноту, словно чувствуя круг и каждую кочку. Чтоб споткнуться, не могло быть и речи. Медведь на лапах вприпрыжку бросился к нему, Анатолий по кругу дальше. Чуть не бегом. Пошла сплошная беготня — слева направо: медведь к нему, он от него, но лицом к медведю. Так продолжалось недолго; медведь опустился на лапы, головой мотая и оскалив пасть в сторону Анатолия, постоял и пошёл к нему, но с другой стороны, получился оборот в противоположном направлении. Большими шагами он заставлял Анатолия ходить спиной вперёд всё быстрее и быстрее. Мысль, пробившись сквозь страх, буравила в голове только одно: «Не отступиться, только не запнуться, не упасть, тогда всё, конец».

Так продолжалось до бесконечности...

Анатолий весь вспотел, во рту всё пересохло, хмель вылетел, сердце бешено стучало. Ни ружья, ни ножа, ни спичек — ничего под рукой не было. Медведь остановился. Стал нюхать, приподняв голову, воздух, глухо заурчал, вновь подошёл к лежащей корове. Анатолий недалеко стоял как вкопанный Зверь зачавкал. Анатолий медленно попятился назад, пытаясь вырваться из этого злополучного круга. Но не тут-то было. Медведь вскочил на задние лапы, замахал передними и злобно зарычал. Вышла луна, глаза медведя яростно сверкали, с пасти капала кровь, на лапах висели куски оторванного от коровы мяса. Жуткая картина. Луна вновь зашла за тучу. Анатолий попятился обратно. Медведь в это же время тоже попятился назад. Анатолий

отступил на несколько шагов в темноту и в сторону. Медведь отошёл несколько назад и в сторону, пошло движение в стиле танго на выдержку: задранная корова между ними, два шага влево — медведь два шага влево, два шага вправо — и медведь два шага вправо. Этот маятник продолжался не менее получаса, а то и более. Анатолий говорил, что он потерял счёт времени, спина у него взмокла, да и вообще он весь обливался потом. Медведь остановился, отступил шага на два в сторону, резко повернулся, лёг на прошлогоднюю траву головой к туловищу коровы и, глядя злыми глазами на Анатолия, утробно рычал. Положил голову на передние лапы и прижал уши, словно пружина, готовясь к прыжку. Притаился. Анатолий стоял как вкопанный.

Наступил рассвет. Туман начал подниматься от ручья. Запели первые птицы. Стало видно поляну. Всё в крови, всё истоптано, медведь, не двигаясь, лежит и смотрит на Анатолия. Затем зверь поднялся, подошёл к корове, сел на неё верхом и стал рвать зубами и когтями, утробно фыркая, глухо рыча и исподлобья глядя на человека. Анатолий стоял. Медведь, страшно голодный, рвал корову и глотал куски мяса. Анатолий стоял, кричать не мог, всё в горле перехватило.

Развязка близилась к концу. Внезапно медведь встрепенулся и подскочил, прижав уши, насторожился, повернув голову в сторону деревни. Там яростно залаяли собаки и слышны были человеческие голоса. Резко повернувшись, зверь бросился к Анатолию. Тот среагировал и мгновенно отскочил в сторону. Медведь отошёл от туши метров на пять, остановился и повернул голову к Анатолию. Глаза Анатолия и медведя встретились, долго смотрели они друг на друга. Стояли и смотрели, затем медведь вновь медленно подошёл к туше, постоял возле неё и вновь бросился за Анатолием по кругу, сделал с десятков кругов, поднялся на задние лапы и, злобно зарывчав, начал махать передними лапами. Анатолий поодаль остановился. Зверь опустил на передние лапы, глухо урча, и, словно раздумывая, пошёл от туши в сторону ручья.

Метров через пятьдесят он оглянулся, постоял, утробно, глухо прорычал и исчез в кустах. Кусты, покачавшись, сомкнулись и затихли. Анатолий вытер со лба пот и перевёл дух. Оглянулся. Никого нет. Светло. Взглянул на часы, руки дрожали... начало шестого утра. То есть с момента его встречи с медведем прошло более пяти часов. Более пяти часов шла битва за жизнь. И человек победил. Анатолий тряхнул головой, словно от наваждения, и медленно побрёл по тропинке в гору. Постоянно находясь в напряжении, вглядывался в окружающие кусты, словно ожидая, что медведь, сделав петлю, подкарауливает его на тропинке.

Но вскоре тропинка, вынырнув, выскочила на взгорок, а под ней, внизу, уже была деревня, а там люди. Подходя к дому, прислонился к палисаднику, а затем зашёл в ограду. Сил уже никаких не было. Вот и крыльцо. Он удивлённо поднимает глаза: на кедровой чурке возле крыльца сидел напарник с ружьём и смотрел дикими глазами на Анатолия. Анатолий равнодушно и как-то устало его спросил, почему он не стрелял, даже в воздух, на что тот ответил, что, услышав рёв медведя, он решил бежать за помощью в деревню... когда в деревню прибежал, то все уже спали, и он стал дожидаться рассвета, чтобы поднять мужиков на помощь и идти выручать Анатолия. Ничего не сказал в ответ Анатолий — промолчал. Открыл дверь и зашёл в дом. Да и о чём было говорить? Эта ночь напрочь развела их жизненные пути в разные стороны.

После, уже возвращаясь из тайги, были мы на том месте, Анатолий его показал. Даже осенью, спустя три месяца, тропа и круг не заросли травой. Чернота земли осталась, натопанная медведем и Анатолием, когда они исполняли своё танго смерти по кругу. Картина не для слабых людей.

Анатолий, наклонив поседевшую голову, закончил свой рассказ, вновь заволновавшись, закурил. Мы молчали. В избушке наступила тишина. Я молча подкинул в буржуйку берёзовых дров и подумал: потрясающе, передо мною сидит небольшой, довольно пожилой охотник, который судьбой прошёл такое испытание, но даже в самые опасные минуты

своей жизни не поддавался страху и панике. Принял единственное правильное решение и оттанцевал у медведя самое главное своё танго — право на жизнь! Медведь сдался. Он не устоял перед человеком. Но то, что смог преодолеть Анатолий, не под силу и характеру каждому. Здесь сыграли роль природная сноровка, хладнокровие, опыт охотника и выдержка.

В минуту смертельной опасности не запаниковал, а боролся за жизнь до самого конца, даже тогда, когда казалось что всё уже предрешено и кончено. Медведь же в тот период вёл себя естественно, отстаивал свою добычу. Встреча с человеком для него была крайне неожиданной, так как ветер дул в сторону Анатолия и зверь не услышал его приближения, и, уже отстаивая свою добычу, понял медведь своим звериным разумом, что противник достоин его, даже сильнее, и не уступит ему своё право на его добычу. После многочасовой, изнуряющей и неподдающейся схватки, где ставкой была жизнь, зверь сдался и ушёл. Но такое бывает крайне редко: может, это был тот единственный раз, когда медведь отдал свою добычу человеку.

Не раз мы потом, встречаясь, обсуждали эту роковую встречу со зверем...

Анатолий нехотя шёл на этот разговор... разволновавшись, он замолкал и надолго задумывался... Было видно, что спустя годы... он не забыл ничего о той страшной ночи. Да и мы старались потом эту тему не поднимать... если он сам её не затрагивал, а ему было о чём рассказывать... всю свою жизнь он провёл в тайге, и многие его охотничьи истории нашли в дальнейшем своё место в моём сборнике рассказов «Тропой воспоминаний».